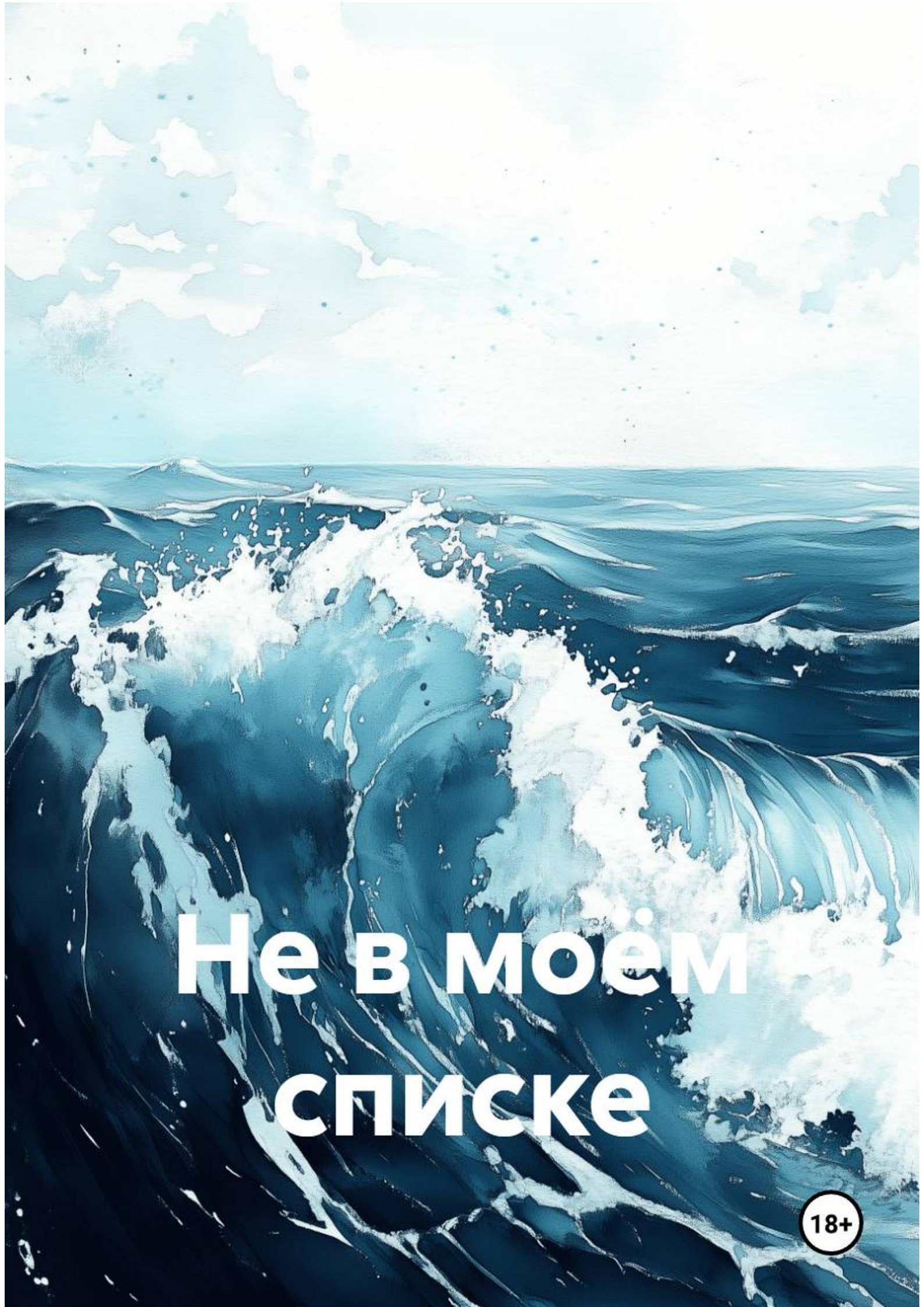




Не в моём списке

18+

Дарья Мигеева

Не в моём списке

«Автор»

2026

Мигеева Д.

Не в моём списке / Д. Мигеева — «Автор», 2026

Вера Соловьёва приехала покорять журфак с одним чемоданом, двумя свитерами и правилом: не тратить себя на людей, которые того не стоят. Комната в старом доме с честными стенами, стипендия, подкаст, который она ведёт анонимно, — и сосед за стеной, который играет на гитаре после полуночи и разговаривает с ней так, будто её здесь нет. Матвей Крылов — тот самый сосед. Второй курс, камера, три короткометражки и отец, который давно решил, кем его сын будет. Матвей не спорит. Он просто делает своё и молчит — до тех пор, пока однажды ночью не слышит через стену голос, который уже слышал раньше. В подкасте. В истории, которую он знает лучше всех. Между ними тридцать сантиметров кирпича, общий балкон, общая бессонница и договор, нарушить который проще, чем кажется. Никто из них не собирался влюбляться. Просто ночью никто не слушает — а значит, можно наконец сказать правду. История о первой любви, в которой он не значился ни в одном её плане

© Мигеева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тонкие стены.	5
Глава 2. Ночью никто не слушает.	8
Глава 3. Чай на двоих.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дарья Мигеева

Не в моём списке

Глава 1. Тонкие стены.

Первую ночь в новой квартире я не спала не из-за волнения.

Я не спала из-за гитары.

Стена между моей комнатой и соседней была толщиной, кажется, в один честный кирпич. Через неё проходило всё: щелчок выключателя, скрип кровати, бормотание телевизора у хозяйки в гостиной, звон чашки о край раковины. А после полуночи — гитара. Не бречание, не пьяные три аккорда. Настоящая, взрослая, чужая музыка: медленный перебор, пауза, снова перебор. Так играют люди, которые думают, что их никто не слышит.

Я слушала час или полтора, зарывшись в подушку, и злилась на себя за то, что слушаю.

К восьми утра я вышла на кухню с твёрдым намерением быть вежливой. Вежливость продержалась минут семь.

— Доброе утро, — сказала я.

Он стоял у окна, спиной. Высокий, в чёрной футболке, полотенце на плече, волосы мокрые после душа. Обернулся — и я сразу поняла, что вежливость была ошибкой.

— Утро, — ответил он ровно.

И всё. Ни «ты, наверное, новая соседка», ни «давай познакомимся», ни даже любопытства. Просто «утро». Так отвечают человеку, которого давно причислили к мебели.

— Ты играешь по ночам, — сказала я.

Он снял чайник с плиты, налил кипяток в кружку. Не обернулся.

— Играю.

— До двух ночи.

— Полвторого, — поправил он. — Вчера — до двух. Это была суббота.

Я даже задохнулась от такой наглости.

— У меня в понедельник первая пара. В восемь тридцать.

— Значит, тебе стоит лечь раньше.

Он наконец посмотрел на меня. Глаза серые, спокойные до бешенства, как у человека, который давно решил, что ничьё мнение его не касается. А я стояла в своей растянутой футболке с принтом университетской библиотеки, с заспанным лицом и понимала, что за минуту превратилась в скандальную тётку из коммуналки. Мне восемнадцать. Мне ещё рано быть тёткой из коммуналки.

— Тамара Ивановна! — крикнула я в коридор, потому что терять было уже нечего.

Хозяйка появилась в дверях кухни мгновенно, будто ждала этого момента с самого заселения. Тамара Ивановна, семьдесят два года, четыре кошки, шестьдесят лет стажа в школьной столовой и абсолютная уверенность, что все студенты — это стихийное бедствие, которое она переживёт, как переживала девяностые.

— Ну? — спросила она.

— Он играет ночью.

— Матвей, ты играешь ночью?

— Играю, — подтвердил он.

— Вот, — сказала Тамара Ивановна мне, как будто это всё объясняло.

Я моргнула.

— И это всё?

— А что ты хочешь, деточка? Чтобы я его выселила за гитару? У меня двенадцать лет до него жила твоя предшественница, она по ночам вязала и песни пела. Я, знаешь, какие голоса тут слышала. Гитара — это ещё культурно. Он хоть и не разговаривает, но тихий мальчик. Не пьёт, не курит, учится. Нормальный ребёнок.

— Я не ребёнок, — сказал Матвей.

— Вот и не спорь со старшими, — отрезала она и вышла, оставив меня посреди кухни с открытым ртом и свидетелем, который снова отвернулся к окну.

Я стояла и чувствовала, как внутри закипает что-то горячее и совершенно бесполезное. Мне нельзя было наживать врагов. Мне вообще нельзя было ничего такого, потому что комната здесь стоила девять тысяч в месяц, а это было ровно то, что я могла себе позволить, если получала стипендию и не ела в кафе. Я приехала из городка, где на весь район одна музыкальная школа и ни одного книжного. Я выиграла олимпиаду, чтобы получить сюда место. Мне был нужен этот адрес — пятнадцать минут пешком до корпуса, старый дом с высокими потолками и скрипучей лестницей, сирень под окнами, которую осенью подрезали в такую короткую щётку, что она казалась сердитой.

И мне не была нужна война с человеком за стеной.

Я глубоко вдохнула и пошла на мировую.

— Слушай. Давай договоримся.

Он поставил кружку. Посмотрел на меня внимательно, в первый раз по-настоящему.

— Давай.

— Я не буду лезть в твою жизнь. Ты не будешь лезть в мою. Я не трогаю твои вещи, ты не трогаешь мои. Мешаешь готовить — уходишь, я уйду. Хочешь тишины — я в наушниках. Но после полуночи гитары нет.

Он молчал. Три секунды, четыре. У меня в это время противно колотилось сердце, хотя я не понимала, чего именно боюсь. Может, того, что он скажет «нет».

— После полуночи нет, — согласился он.

И я вдруг почувствовала себя странно. Как будто выиграла бой и одновременно проиграла что-то важное. Потому что он согласился именно так, как соглашаются с неприятным шумом: зачеркнул и выкинул.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Матвей.

— Вера.

— Я знаю, — сказал он и ушёл в свою комнату.

Я осталась на кухне одна. За окном кто-то с четвёртого этажа выбивал ковёр, ветер гнал по асфальту первые жёлтые листья, и пахло так, как пахнет южная осень — пылью и переспелым виноградом.

Уже вечером, когда я сидела на подоконнике с ноутбуком и монтировала первый выпуск подкаста, в коридоре зазвонил телефон. Я не подслушивала. Просто стены здесь были честные.

— Я не буду это обсуждать, — сказал Матвей за дверью. Голос был другой — ниже, злее, без этой его ледяной ровности. — Нет. Пап. Нет. Я сказал, что подумаю. — Пауза. — Не надо приезжать. Не надо ничего решать за меня.

Хлопнула дверь.

Я сидела неподвижно, с наушниками на шее, и впервые за день мне стало его жалко. Минуту. Ровно минуту, потому что я не собиралась тратить на него больше.

А потом в прихожей заговорила Тамара Ивановна — с кем-то по телефону, громко, как все люди её возраста.

— Да Крылов он, Крылов. Матвей Андреевич. Отец-то у него, слышь, известный человек, в газете писали. Ну тот, у которого история была, помнишь, осенью? С заводом-то? Вот и сынок его у меня снимает, представь себе, не захотел, видно, в его хоромы жить...

Я замерла.

Крылов.

Я знала эту фамилию. Не из газеты. Я озвучила её сама — своим голосом, ночью, в микрофон, в первом выпуске «Как пережить первый курс», который вышел четыре дня назад и который я записала по чужой истории, присланной анонимно.

Тогда я понятия не имела, чья это история.

Теперь у меня за стеной играла гитара — тихо, будто в подушку, будто он сам боялся, что услышат...

Глава 2. Ночью никто не слушает.

Обещание он сдержал.

В понедельник гитары не было. Во вторник тоже. В среду в квартире стояла такая тишина, что я слышала, как в его комнате шелестят страницы.

И вот это оказалось хуже всего.

Потому что первые две ночи я честно спала — наверное, от усталости, от лекций, от того, что мозг новичка работает как насос и к вечеру выключается сам. А с третьей ночи я начала слушать стену. Не специально. Просто лежала в темноте, смотрела в потолок и ждала перебора, которого не будет. Как будто кто-то выключил радио, а у меня в голове всё ещё играл мотив.

В четверг я на этом и попалась.

— Ты чего такая? — спросила Даша в столовой, разбирая вилкой творожную запеканку, которая на вид была из бетона.

Даша Румянцева, моя одноклассница, знала всех, всё и постоянно, была из тех девочек, которые с первого дня знают, где деканат, где дешёвая пекарня и у кого из преподавателей можно просить пересдачу в пятницу.

— Не выпалась, — сказала я.

— У тебя, что, сосед шумит? Ты же говорила, там кто-то за стеной музыкой занимается.

— Он перестал.

Даша подняла брови.

— И ты из-за этого не спишь?

Я на всякий случай занялась своим супом и не ответила. Даша посмотрела на меня долго и с наслаждением и больше ничего не сказала. В этом её молчании было больше пронительности, чем я была готова вынести в восемнадцать лет.

Зато сессия — то есть пока ещё просто сентябрь — шла своим чередом. Введение в специальность, история литературы, латынь для журналистов, языкознание, физкультура в старом спортзале с выцветшим паркетом. На парах я записывала больше всех, потому что мне казалось, что если я перестану писать, то сразу станет видно: я не здешняя. Все вокруг будто бы уже знали, как надо. Смеялись над преподавательскими шутками, легко болтали о книгах, которые я читала по списку, но не обсуждала, ходили в кофейню на углу, где чашка стоила как два обеда в столовой.

А вечером я возвращалась в наш дом с сиренью, поднималась по скрипучей лестнице, открывала дверь и впервые за день могла выдохнуть. И каждое вдох-выдох в этой квартире упиралось в стену, за которой жил человек, знавший про меня одну вещь, о которой не знала я сама.

Крылов.

Я проверила. Сидя на подоконнике, с телефоном, вбивая фамилию в поиск и чувствуя себя предательницей. Да, та самая история с заводом. Отец — известный в городе человек, генподрядчик, скандал облетел местные каналы этой весной: подрядчиков обвиняли в том, что рабочим месяцами не платили, а один человек в итоге оказался в больнице. Ничего не доказали, все всё отрицали, тема закрылась. А мне эту историю прислали анонимно в директ подкаста — мальчик, который там работал, потом бросил, потом не смог рассказать это даже матери. Я не знала ни имени, ни фамилии. Я изменила детали, переписала всё так, чтобы никто не узнал ни город, ни людей, записала двадцать одну минуту за один вечер и выложила.

Двести четырнадцать прослушиваний. Для первого выпуска — ничего, но всё равно цифра, которая держала меня на ногах.

И три комментария. Один я помню до сих пор, дословно.

«Это про меня. Откуда ты это знаешь, если я тебе никогда не писал?»

Я перечитала его десять раз и не поняла, чем меня так зацепило. Теперь, когда за стеной жил Крылов, я думала об этом чаще, чем хотела.

В четверг я легла в половине двенадцатого, твёрдо решив не слушать стену, и, естественно, через сорок минут уже слушала.

Он не играл. Но и не спал. Я слышала, как он встал, шагнул, чем-то звякнул — чашка, ложка о край стакана — и открыл окно. За окном был тот особенный южный октябрь, когда днём ещё ходишь в рубашке, а ночью пахнет так густо и влажно, будто воздух настоян на чём-то сладком и уже подгнившем.

Я встала. Не думая. Взяла с кровати одеяло, вышла в коридор, толкнула дверь на общий балкон — и замерла.

Он был там.

Сидя на подоконнике балконной двери, босиком, в той же чёрной футболке, с гитарой на колене. Волосы падали на глаза.

Он не играл. Он просто держал гитару, как держат спящего ребёнка, — то есть держал, но не будил.

Мы смотрели друг на друга секунды три. Долгие, как электричка, стоящая в поле.

— Я думала, тут никого, — сказала я глупо.

— Я тоже.

Я стояла в дверях с одеялом, намотанным на плечи, в тапочках, которые стыдно носить при людях, и у меня не было ни одного остроумного слова. Второй раз за неделю этот человек вышиб из меня всю мою язвительность одним своим видом.

— Я думала, ты играешь каждый вечер, — сказала я. — Ты обещал после полуночи не играть, но сейчас одиннадцать.

— Дело не в полуночи.

Он смотрел не на меня, а куда-то на соседский балкон с сохнувшим бельём.

— А в чём?

— Ночью никто не слушает.

Вот так. Просто. Без вздохов и театра.

Я почему-то разозлилась.

— Это как вообще? Ты играешь для тех, кто не слушает?

— Я играю, потому что не слышу себя, если знаю, что слышат. — Он пожал плечами. — Ночью все спят. Тогда можно.

Я подошла и села на второй подоконник, свой, напротив. Одеяло я не сняла. Во-первых, холодно. Во-вторых, под ним была футболка со смытым принтом, а я не хотела сейчас выглядеть восемнадцатилетней дурочкой, хотя именно ею и была.

— Я слушаю, — сказала я.

Он наконец посмотрел на меня.

— Что?

— Я слушаю. С самого первого вечера. Через стену. Мне понравилось. Особенно в субботу — там был такой переход, перед тем как ты взял высокую... — Я показала рукой неопределённо. — Ну, понимаешь.

Он молчал, и я в панике подумала, что сморозила ужасную глупость. Что теперь он будет запирается, завешивать стену матрасом, перестанет играть вообще, и это будет моя вина и моя же потеря.

— Ты правда слушала? — спросил он.

— До двух ночи.

— И не жаловалась.

— Я жаловалась утром, — сказала я честно.

Он вдруг коротко, беззвучно улыбнулся — одними глазами. Первый раз за неделю.

— Это ты хорошо делаешь.

— Что?

— Жалуешься утром. По-человечески. — Он снова посмотрел на гитару. — Все обычно жалуются в лицо сразу. Или терпят до конца и потом уезжают.

Мне стало нехорошо от этой фразы. «Потом уезжают» — сказал он так, будто знал, о чём говорит, и будто его это вообще не удивляло.

— Играй, — сказала я.

— Сейчас?

— Сейчас. Одиннадцать. Никто не спит. И я слушаю.

Он не стал спорить. Я думала, он откажется, или сыграет одну вещь и уйдёт, или включит это своё ледяное «нет». Вместо этого он поправил гитару на колене, тронул струны — раз, другой — нашёл то, что искал, и начал.

Я не знаю эту песню до сих пор. Незнакомый, негромкий мотив, простой перебор, голос низкий, осторожный, как будто он всё ещё не верил, что можно вслух. Слова были нежные и злые одновременно — про город, в котором можно только уехать или сдохнуть, и про человека, который всё равно выбирает остаться. Я сидела на подоконнике с одеялом на плечах и смотрела в темноту, где за деревьями горели окна чужих жизней, и у меня в груди поднималось что-то тёплое и очень неуместное.

Когда он закончил, внизу кто-то на балконе пятого этажа похлопал. Один раз. И тут же замолчал, будто спохватился.

Мы оба приснули от смеха — тихо, в кулаки. Он — первый раз на моей памяти. У него от этого смеха лицо стало на пять лет младше, и я поняла, что до этой минуты видела не его, а только оболочку.

— Слушай, — сказала я, — можешь мне это отправить?

— Куда?

— В мессенджер. Я хочу послушать ночью, когда это никому не мешает.

Он посмотрел на меня долго.

— Ты вообще не думаешь, что нужно три интервью пройти, чтобы со мной поговорить?

— Нет, — сказала я. — Я вообще не думаю.

И мы обменялись номерами. Два телефона, два подоконника, осенняя ночь, соседский балкон с бельём. Обычная студенческая история.

Он ушёл первым, а я осталась сидеть ещё минут десять, потому что мне почему-то не хотелось возвращаться в комнату и оставаться одна с этим мотивом.

Ночью я записала второй выпуск.

Двадцать три минуты, про выбор между «уехать» и «остаться», про людей, которые остаются, потому что боятся, что их не будет нигде. Я говорила тихо, почти шёпотом, чтобы никого не разбудить, и микрофон ловил каждое моё вдохновенное и совершенно лишнее «э-э-э». В половине третьего я выключила ноутбук, и в этот момент за стеной что-то стукнуло.

Один короткий, очень чёткий стук. Как стучат по стене кулаком, чтобы привлечь внимание.

Я замерла. Сердце подпрыгнуло, в горле пересохло. Стены здесь честные, но я за все эти дни не подумала ни разу: он тоже их слышит.

— Вера, — сказал он через стену. Голос глухой, но отчётливый, как будто он говорил мне прямо в ухо.

— Да?

— Это ты только что говорила в микрофон?

Меня бросило в жар. Я стояла посреди комнаты, в темноте, в своей дурацкой футболке с принтом библиотеки, и понимала, что у меня есть десять секунд, чтобы соврать, и что если я совру сейчас — это будет ложь, которая вырастет до размеров всей моей жизни.

— Да, — сказала я. — У нас на журфаке аудирование. Читаем тексты, записываем себя, слушаем потом. Голос ставить.

Пауза. Долгая, как электричка.

— Странное занятие в два часа ночи, — сказал он.

— А ты странно играешь в два часа ночи.

Ещё пауза. Я стояла и слышала, как бухает моё сердце, и ненавидела себя за эту ложь так, как не ненавидела, кажется, никогда.

— Ладно, — сказал он наконец.

И шагнул от стены.

Но перед этим — я готова поклясться, хотя потом убеждала себя, что мне послышалось, — он сказал ещё две фразы. Тихо, почти беззвучно.

— Жаль. У тебя красивый голос.

Я не спала до четырёх.

Глава 3. Чай на двоих.

Утром на кухне меня ждал стикер.

Он был приклеен к дверце холодильника, к той её части, где Тамара Ивановна магнитом прикрепила календарь с кошками. Почерк был острый, мелкий, летящий вправо.

«Скинул. Первая — та, которую ты слушала в субботу. Не буди до двенадцати, я был на площадке. М.»

Я перечитала. «Я был на площадке» — это он про съёмки, я знала уже со вчера, потому что за ночь успела пролистать его открытый профиль и устыдилась этого так, что закрыла телефон и дважды пошла мыть посуду. Матвей Крылов, второй курс, не юрфак. И не журфак. Что-то с камерой, что-то с короткометражками, три работы, выложенные полгода назад, ни одной с тех пор.

Я заварила чай, села с кружкой у окна и включила первую запись.

Она звучала иначе в наушниках. Через стену всё было приглушено, будто музыка шла сквозь воду, и мне мерещилось, что я слышу его дыхание между строками. В наушниках дышал только он — и этого хватало, чтобы у меня в горле встал комок. У него был голос человека, который поёт не для тебя, а рядом с тобой. Этому невозможно научиться. С этим можно только родиться и потом всю жизнь прятаться.

Я прослушала её пять раз, потом вторую, а потом опомнилась, что у меня в одиннадцать семинар по истории литературы, а я сижу босиком, с холодным чаем и лицом человека, у которого в жизни случилось что-то большое.

За семинаром я не помню почти ничего, кроме того, что Даша дважды ткнула меня ручкой и один раз прошептала: «Ты вообще здесь?»

Домой я вернулась к семи. Он стоял на кухне и жарил яйца, и кухня пахла маслом и подгоревшим хлебом.

— Ты не умеешь готовить, — сказала я.

— Не умею.

— Я тоже.

Мы посмотрели на его сковородку. Там плавало нечто желто-коричневое, печальное и напоминающее о бренности бытия.

— Хочешь? — спросил он.

— Очень.

— Тогда придётся зайти ко мне. У меня есть хлеб и есть вилки. У тебя, я видел, вилки закончились в понедельник.

Я открыла рот, чтобы спросить, откуда он это знает, и закрыла. Стены здесь были честные.

Его комната оказалась вдвое больше моей и выглядела так, будто в ней живут три разных человека, которые не разговаривают друг с другом. На стене — афиши старых фильмов, вырезки, распечатки кадров с пометками синим маркером. На столе — ноутбук, две камеры, одна из них плёночная, старые, с потёртым корпусом. На полу — стопки книг, поверх которых лежала одинокая чайная ложка. И в самом углу, там, где у нормальных людей вешалка, стоял учебник по гражданскому праву. Один. Толстый. С нетронутым корешком, если не считать одной заломанной страницы в самом начале.

Я села на пол, потому что стул был занят курткой и рюкзаком. Он поставил передо мной тарелку и сел напротив, на кровать.

Ели мы молча. Яйца были отвратительны, и я съела всё.

— Ты снял это зимой? — спросила я, кивая на кадр на стене. Парень на крыше, спина, фонарь, дождь.

— Да.

— Где?

— На нашем доме. — Он посмотрел на стену. — Там выход на плоскую крышу. Ключ от замка валяется в электрощитке.

— И ты полез на крышу в дождь.

— Я полез на крышу в дождь, — согласился он.

— Зачем?

Он помолчал.

— Мы хотели снять, как человек смотрит на город сверху. Чтобы было понятно: он весь этот город видит, а город его — нет.

Я посмотрела на кадр ещё раз. Это было хорошо. Правда хорошо. Не «неплохо для студента» — а так, что я на секунду забыла, где сижу.

— Почему ты больше ничего не выкладываешь?

— Потому что это моё, — сказал он просто. — А всё, что моё, у меня забирают.

Он не объяснил. Я не спросила. Так у нас с ним и повелось с самого начала: он не объясняет, я не спрашиваю, и в промежутке между этим живёт вся наша дружба.

Потом он включил фильм. На ноутбуке, на маленьком экране, потому что проектор он собирал сам и половина деталей в нём уже месяц лежала разобранной на подоконнике. Мы смотрели старую картину про двух людей, которые всю дорогу едут куда-то и не могут сказать друг другу главного. Я видела её впервые, и мне всё время казалось, что вот сейчас они скажут, и каждый раз они не говорили, и я к концу уже почти злилась.

Я сидела на полу, он — на кровати, за моей спиной. Между нами было два метра и вся эта комната, и всё равно это был самый близкий вечер за все мои восемнадцать лет.

Когда пошли титры, я обернулась.

— Ты почему такой?

— Какой?

— Такой... — Я поискала слово и не нашла. — Ты общаешься так, будто уже выбрал, что тебе не будет хорошо.

Он смотрел на экран, где ползли имена людей, которых мы никогда не узнаем.

— Потому что мне сказали, кем я буду, — сказал он наконец. — В тринадцать лет. За ужином. Не спросили, просто сказали. Я восемнадцать лет жил с этим, а в апреле взял и подал документы сюда. Отец месяц со мной не разговаривал. Потом заговорил, но теперь говорит, что это моя блажь и что диплом юриста всё равно у меня будет.

— А учебник?

— Оставил. — Он усмехнулся одними губами. — Из вредности. Пусть лежит и напоминает, что я не сдался. Стоит три тысячи, а пользуюсь как подставкой под чай.

Я засмеялась. Он тоже — коротко, в сторону.

И в этот момент в тишине очень громко зазвонил его телефон.

Экран высветился на ноутбуке, потому что тот был подключён, и я успела прочитать, прежде чем отвернуться: «Отец». Время — двадцать два сорок.

— Алло, — сказал Матвей, и голос у него сразу упал на полтона ниже.

Я встала, чтобы выйти, но он сделал рукой жест — сиди.

— Нет, — сказал он в трубку. — Нет. Я не приеду. — Пауза. — У меня съёмки в субботу. — Пауза, длиннее. — Нет, это не «кружок». — Он слушал. Я сидела и смотрела в свою пустую тарелку, потому что смотреть на него было неудобно, как будто я подсматриваю. — Хорошо. Хорошо. Я подумаю. Да. До свидания.

Он положил трубку и некоторое время сидел, закрыв глаза.

— Он хочет, чтобы я на следующей неделе приехал домой. — Голос был пустой. — «Поговорить». Это значит: он три часа будет объяснять мне, что у меня есть долг перед семьёй.

— А что за съёмки в субботу?

— Никакие. Я соврал.

Мы молчали. За окном проехала машина, свет фар прошёл по стене и погас.

— Слушай, — сказал он вдруг. — Ты не подкасты слушаешь?

Я замерла. Внутри что-то оборвалось и полетело вниз.

— В смысле?

— Просто спросил. — Он пожал плечами. — Я тут подсел на один. Ночью нечего делать, слушаю. Называется «Как пережить первый курс». Первый выпуск, там история про мальчика с завода, который ушёл с работы и никому не смог рассказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.